

1899 год

17 мая . Чехов сегодня пишет: "Я бы на вашем месте роман написал. Вы бы теперь, если б захотели, могли написать интересный роман, и притом большой. Благо купили имение, есть где уединиться и работать". Он бы на моем месте, конечно, написал. Но я на своем не напишу. Мне жизнь не ясна. Если б писать роман, надо было бы совсем особую форму, к которой я привык, с которою сжился. Форма фельетона, где можно было бы рассуждать от себя, как Пушкин делал это в "Евгении Онегине". В прозе надо роман вести для этого от героя. А эта форма не по мне.

Под влиянием слов Чехова я было раскрыл тетрадь. Подумал, подумал над белыми страницами и положил тетрадь обратно в стол. Нет, поздно.

20 мая. Приехал в Москву на пути в деревню свою. Покупал. Купил разной дряни для деревни, рублей больше чем на тысячу. Вечер у П.А. Ефремова. Ему 68 лет. Нездоровилось ему. Но он встал. С 8 до 12 проговорили о литературе, больше о Пушкине. Сколько этот человек литературных фактов, слышанных им от разных лиц, унесет в могилу. Сколько раз я ему говорил, чтоб он записывал. "Не могу, -- говорит. -- Вот если б кто сидел в другой комнате и записал. Когда говоришь, одно тянет другое, вспоминаешь невольно. А с пером в руке не знаешь, с чего начать". К моему сожалению, я запоминал и запоминаю печатное гораздо легче, чем слышанное. Слышанное сейчас же забываешь. Вот кое-что слышанное от Ефремова. <...>

9 июня. Сегодня наши приехали в Никольское. Я здесь с 4 июня. 26 мая был в Петербурге. Пушкинский праздник. Говору было много, но одушевления мало. Я был только в Таврическом дворце, на вечере, где давали маленькие оперы и процессию плохую устроили. В среду 2-го был в Москве. Опять покупал для деревни. Несколько тысяч истратил. Покупал без толку. Чего надо не купил, накупил много лишнего. Ну уж, господин Левшин -- дворянин, нечего сказать. Все вывез. Говорил, что вывез только кое-что, но вывез все, что мог. Скот подманил. Мебель всю увез, потом прислал часть, никуда не годную. Имение хорошее, во всяком случае. Но денег придется положить множество.

На Троицу был здесь Вася Саранчин. На Духов день приехал Боря. Сегодня все приехали. Моя покупка, линейка, сломалась сегодня же. Ось переломилась. Повар приехал. Обойщик из Петербурга приехал. Все еще как на развалинах. Ничего не готово порядком. Серый день сегодня. Сыро еще. Скучно. Без дела скучно, а дела не найду. Я горожанин. В городе мне лучше.

От Лели третьего дня телеграмма: третейский суд, разбиравший его дело с Сигмой в связи с моим с Комитетом Союза писателей, решил в пользу их. Дело Комитета не выгорело. Писал Чехову. Спрашивал, выходить мне из Союза, или нет? Читал "Россию". В ней есть что-то свободное и искреннее. "Новое время" заплесневело, замучено, серо. Так мне кажется, и думаю, я не ошибаюсь. Писал об этом Леле. Лучше бы не читать газет. Спокойнее гораздо. Ничего не знать, не делать сравнений.

Может, лучше, если совсем замолкнуть и не обращать внимания. Написал Никольскому. Он раздраженно пишет. Пора перестать. Это мучительно, питать у читателя раздражение. Надо давать что-нибудь положительное.

20 августа. Был у князя Урусова в деревне Сторожево. Отличная усадьба. Милые люди. Вернулись поздно ночью. Анна Ивановна все пугалась дорогою при всяком толчке. Мы с К [онстантином] С [еменовичем Тычинкиным] смеялись. Легенда о мраморной комнате в нашем деревянном доме. Минины были жестокие люди. Сын стрелял в мать в этой комнате. Рана была неопасная, но кровь брызнула на стену. Заклеивали обоями, но кровь была видна, или думали, что видна. Минин и велел сделать ее под мрамор. Княгиня Урусова, урожденная Овер, дочь знаменитого московского врача. Очень милая женщина. Французское происхождение заметно в веселом нраве.

Крестьяне называют дачников "воздушниками". На воздух приехали издалека.

9 сентября. Прекрасный день. Утром туман. Но потом солнечно и тепло. В половине 10-го Настя уехала верхом и вернулась к 7-ми вечера. Она сделала несколько десятков верст в поисках за Баком, который пропал дней 8 тому назад. Назначили 20 руб. награды. Постоянно рассказывают, что его видели, а его нет как нет. Бедный Бак, увлекся какой-то госпожей своего рода и погиб. Собака глупая, но добрая и трусливая. Если он цел и если б мог он рассказать свою историю, то вышел бы замечательный рассказ, особенно если б он откровенно передал свои наблюдения над суворинской семьей. А он имел на то все